ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

5

2002

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Осенняя прогулка по лесистому займищу за Доном.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
В ЗАЙМИЩЕ

В мире — осень. Из окон городского моего жилья, с высоты шестого этажа, все видать: просторная Волга, воды ее, неблизкий левый берег с песчаными косами и пойменным лесом, но все далекое, словно картина. Главная радость вот она, у подножия дома: тополя да березы в осеннем наряде. Ярко золотятся под солнцем, слепя глаза; а в пасмурный день кротко, лампадно светят, украшая и согревая осенний городской быт.

Издали из окна поглядишь — и тянет на волю. Ближе к деревьям, к земле, к желтой листве и горькому осеннему духу. Подышать им. Нагнуться, поднять и ощутить в руке легкость листа березового, тяжесть тополевого.

В день приезда лишь подошел к окну, глянул и сразу — вниз.

Но обманчивы городские виды. Рядом — береза и тополь. Янтарно светит листва, радуя глаз. Но чего-то душе не хватает. Вначале не понял. Прошелся по скверу и повернул домой.

Нет… Это не осень, а лишь красивая картинка, магазинная витрина ли, фотоснимок, телевизора глаз.

Под ногами — асфальтовые дорожки. Парковые работники целый день гребут листву и увозят. Но главное — с двух сторон обтекают невеликий наш сквер проезжие дороги. Неумолчный гул, бензиновый дух…

Осень должна быть тихой. Осень должна горчить на вкус и на запах.

Домой вернулся и, конечно, вспомнил иное. Как еще недавно, сентябрьским теплым днем, на хуторе, отправился я за Дон, в лесистое займище. Поглядеть, попрощаться.

День был пасмурный, ветреный. Казалось, что близок дождь. На хуторе пусто и скучно: в огородах, левадах — сухие плети огурцов да тыкв, почерневшие будылья другой сажанины; картошку давно выкопали. Редко у кого, в палисадах, сочно доцветают астры и распускаются голубые сентябрины, которых долог век: сначала они на воле будут цвести до самого снега, потом усердная хозяйка их пересадит в горшок и унесет в дом. Но это еще не скоро. Нынче — сентябрь.

На высоких окрестных холмах — рыжая шкура жухлой травы; а над водою зелень. Кудлатые старые вербы, могучие тополя. По их вершинам с гулом катят зеленые волны. А на земле покой.

Дощатая лодка дремлет в тихом заливе. Отомкнул ее и потихоньку поплыл, угребаясь веслами, мимо зеленой стены

камышей. Поодаль, в просторной заводи, плавает семейство лебедей. Старые и молодые. Уже не разобрать. Сахарная бель оперенья сияет на зелени. Красивые птицы.

В заливе тихо. Ветер над головой высоко. Голенастые цапли бродят по мелководью, неловко, неуклюже взлетают, звучно хлопая большими крыльями. Нынче цапель развелось, вот они, на виду: рыжие, серые, белые. Прячется в камышах нелюдимая выпь.

Залив кончился, зеленая стена камышей и дерев отступила. А на Дону ветер, волна поперек хода, так и хлещет по скулам лодки. Теперь знай греби да греби.

Вроде и неширок Дон, всего полверсты. Но против ветра пока его одолеешь, с непривычки, умаешься. Но все равно путь недолгий и славный. Все дальше уходит берег правый, отступают рыжие холмы с белыми меловыми кручами.

А берег левый встречает по-доброму: ветер вдруг стих, и волна пропала. Это приютил тебя берег займищный, укрыл песчаным обрывом и густым лесом.

Лодку на всякий случай схоронил я в камышах: скорее по давней привычке. Мало ли… Хотя пришлый народ нынче тут редок и редок. Пустынная река: ни моторной лодки, ни буксира с баржонкою. Бакены и створные знаки, означающие путь, давно уже сняты. Это когда-то, лет десять — пятнадцать назад, здесь даже пассажирские теплоходы были не редкость, а грузовым — счету нет. Моторки бегали, катера, байды. Там и здесь маячили по берегам машины, палатки, люди.

Все ушло. Иные теперь времена. Пустая осенняя вода, уже осветлевшая, пустые берега, шумящий под ветром займищный лес, воронье да редкий орел-белохвост на обсохшей маковке старого тополя.

Мой путь к озерам, далеким ли, близким, куда доберусь. Малые и Большие Куги, Шемаристое, Поплутное, Крестовка, Лубники, Свинорои, Большой и Малый Лопатин, Песчаненькое, Бурунистое, Сокори… Им счета нет. Лесистое займище и луга рассекают озера, словно три голубых ожерелья, по древним донским руслам, весною сливаясь протоками, старицами, по летнему времени обсыхая и рассыпаясь синими бусинами.

Идти нехоженым займищем — дело не больно ловкое: валежник, сухостой. Пробирайся да обходи. Но куда спешить?.. Бреду помаленьку. Непогода и ветер где-то там, наверху. А здесь могучие стволы тополей да верб, словно колонны; купы листвы и ветвей смыкаются — кров надежный. Кусты боярышника в спелых плодах. Как не посладиться их мучнистой мякотью. За горстью — горсть. Да еще про запас, в карманы. Возле самой земли, на тонких стеблях — красные ягоды ландышей. Как славно, как

благостно тут было весной: нежная бель колокольцев, тонкий дух теплой земли и цвета. Не цветок, не букет, а ландышевый разлив. Бредешь… Сладкое забытье.

А заячья капуста цветет лишь теперь. Там и здесь ее заросли. Сочные мясистые листья, высокие стебли, сиреневые душистые зонтики цвета.

Тишина. Треснет под ногою валежник, шуршит палый лист. Вот наконец старая дорога. Заплывшая, затравевшая, но идти легко. Кое-где гниют, обрастая мхом, упавшие поперек пути деревья.

Истошные крики соек услыхал я издали. Такой они развели базар, что мимо никак не пройдешь. Свернул я с дороги, любопытствуя, пробился через бурелом. И не зря. Осмотревшись, увидел, что причина гвалта — большая неясыть. Она сидела на дереве невысоко над землей, нарядная красавица в черно-белом пестром пере.

Испуганные моим приходом сойки разлетелись, но недалеко; и скоро опять собрались, обсев соседние деревья и ветви, и подняли прежний гвалт, налетая на молчаливую большую птицу. Неясыть сидела не шевелясь, лишь голова ее мягко поворачивалась на неподвижном тулове вправо да влево. В просторных окружьях глаз порой открывались черные зрачки.

Соек я разогнал подалее, крича на них и бросая палки. Галдливая порода, но трусливая. Разогнал и вернулся к неясыти. Птица все так же недвижно сидела на прежнем месте, подремывая и дожидаясь своей поры: ее время — ночь.

Я подошел совсем близко. Красивая, чужая в наших краях птица, впервые вижу ее. Тем более рядом. Нарядное пестрое перо, круглая головка, окружья глаз, крючок желтого костяного носа, меховые «чулочки» на ногах.

Неясыть широко раскрыла большие черные глаза и снова сузила их до щелок. Словно поглядев на меня: дескать, спасибо, что прогнал балаболок; спасибо, и шагай себе.

И тебе, спасибо, красивая птица, за то, что гостишь к нам. Отдыхай до ночи. Не буду тебе мешать, раз в жизни тебя увидев. Это — великий подарок.

И еще одну гостью углядел я нечаянно неподалеку, в дубняке. Она выдала себя звучным цоканьем. Я услышал, поднял голову и не поверил себе. Большая рыжая белка глядела на меня темными выпуклыми глазами.

Разглядывал я белку пристально, даже в бинокль, который до поры на шее висел. Зверек уже выкуневший, нарядный, с темной остью, с огромным пушистым хвостом. Это — не кавказская белочка и не тот малый зверек, что живет и кормится в

Подмосковье, даже в парках. Нет. Эту рыжую красавицу ни с кем не спутать. И откуда взялась? Разве спросишь? Охотоведы лишь плечами пожмут. И слава богу, что не знают. Давно бы застрелили. Как-то спросил я у одного спеца про лесных голубей-вяхирей: много ли осталось? «Есть еще! — ответил мне «охотовед» радостно. — Мы их в шулюм кладем, для навару. Они жирные». Так что лучше промолчать о нынешней встрече.

А вот больше за весь долгий путь живности я, считай, не видал.

В низинах, в мочажинах попадались свежие следы диких свиней. По теплому времени они кормятся ночью. А теперь дремлют на лежке, где-нибудь в непролазных зарослях камышей.

На берегу озера — острые пеньки и стружка. Хозяйничает бобер, тоже зверь ночной, потаенный. Скоро он вовсе уйдет под лед, под воду на всю зиму.

Займищные лесные озера покойны. Осенние воды их прозрачны, словно стекло. Дно от самого берега выстлано утонувшим листом. Так бывает из года в год, и потому вода горчит. Горстью зачерпнешь, пригубишь, слышится горчина.

Лесная нехоженая дорога, попетляв, вывела на опушку к заливным лугам, к простору. Здесь — ветер, далекий осенний окоем, а впереди — последний рубеж: Песчаненькое, Бурунистое, Лубники, Сокори, Клешни — озера, которые берегут займищную и луговую округу от подступающих сыпучих песков.

Летом это особенно видно. Приедешь сюда в июне: в лугах трава — по колено, зелень да цвет; на берегу озера — мягкая мурава, камыш, тенистые деревья. Словом — рай земной. А напротив, на другой стороне, — пустыня. Переплывешь озеро, и прямо от береговых верб встает песчаная круча. Поднимешься на нее: до самого горизонта горбатятся бархан за барханом. В песках летом — палящий зной, в иную пору — ветер и ветер. Пески под солнцем сияют желтизной и медью, слепят глаза. Зыбится жаркое марево. Это — пустыня.

А возле воды всегда хорошо. Летом или весной, когда вербы цветут, распуская золотые сережки. Пахучая сладость пьянит и кружит голову. Озерная гладь светит золотистой пыльцой.

И теперь возле озерной воды приютно. Сентябрь. Цветет синий «батог»-цикорий, желтушник, зелень травы и молодых дубков осень еще не тронула. Простор и простор. Озеро, за ним — протока, снова — озеро. Высокий ветер. Горечь тополевой, вербовой коры, вянущей травы и листвы.

Огромная живая земля, живая вода, бездонное небо и малая моя душа человечья, за все благодарная, порою до забытья, до слез.

В дальней дали смутно белеют придонские кручи. Над ними — тьма. Видно, близко уже непогода.

Над головой — дымные сизые тучи летят по небу стремительно. В разрывах клочья голубого неба, солнечный проблеск, белый дым высоких перистых облаков. Но это — лишь в редких разрывах… Из края в край — стремительный, летящий бег. Словно огромные стаи убегают и убегают.

Скоро — осень. Но это вовсе не страшно. Просто придет иная пора. Задождит, похолодает, а потом вдруг, словно в единый миг, пожелтеет листва. Выглянет солнце — займищный лес светит золотом из края в край. Быстро остынет речная вода. Потянет на юг перелетная птица. Господи, сколь их много… Летят и летят, днем и ночью. Курлычут, гогочут, кричат. Порою так жалобно, словно расстаются с этой землей надолго, навек. Особенно по ночам, когда стаи летят низко над землею. Скоро, скоро…

Обратная дорога всегда короче. А тут еще ненастье меня торопило: порою начинал накрапывать дождь. Когда я выбрался из сумерек займищного леса, у воды, над Доном, уже вечерело. Ветер стих, небо разветрилось. Потихонечку шлепая веслами, плыл я и плыл. Куда в этой жизни спешить…